

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.943-969>
EDN: YLGTPW

УДК 001.891.32

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОГО СВОДНОГО ТЕКСТА
БАШКИРСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА
«ИДУКАЙ И МУРАДЫМ»

М.М. Хабутдинова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
mileuscha@mail.ru*

Резюме. Цель исследования – восстановить хронику работы татарского ученого-энциклопедиста Наки Исанбета (1899–1992) над созданием и продвижением сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым».

Материалы и методы исследования. Материалом послужили сводный текст редакции 1933 г. с авторскими пометками для переводчиков, а также источники личного характера: воспоминания, переписка фольклориста. Исследование велось с помощью культурно-исторического, сравнительно-сопоставительного и описательного методов.

Новизна нашего исследования состоит в комплексном изучении творческой истории первого сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым» и истории его бытования. В рамках исследования определена научно-историческая ценность редакции 1933 г. Выявлены объективные, субъективные причины драматичной судьбы данного сводного текста. Описана структура рукописного текста на латинице, кратко охарактеризованы его сюжетно-композиционные особенности, система персонажей, художественные особенности. Доказано, что Наки Исанбет является первым составителем сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым». Сравнительный анализ редакций сводного текста 1928 и 1933 г. указывает на имевшую место «общую конструктивную преднамеренность», нацеленную на активное воздействие на читателя, соблюдение текстологом сложившегося жанрово-стилистического канона. История сотрудничества Наки Исанбета с издательством «Academia» ликвидирует не только одно из «белых пятен» в истории бытования этого сводного текста, но и косвенно характеризует круг деловых контактов татарского ученого с российскими фольклористами в 1930 г.

Ключевые слова: Наки Исанбет, Золотая Орда, татарская текстология, сводный текст, башкирский фольклор, башкирский народный эпос «Идукай и Мурадым»

Для цитирования: Хабутдинова М.М. Из истории первого сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 943–969. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.943-969> EDN: YLGTPW

Финансирование: Исследование выполнено в рамках темы Фонда поддержки социальных проектов -2/24 при поддержке Академии наук РТ по Постановлению КМ РТ № 565 от 16.07.2024 г.

© Хабутдинова М.М., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE HISTORY OF THE CREATION AND PROMOTION
OF THE FIRST CONSOLIDATED TEXT OF THE BASHKIR
FOLK EPIC “IDUKAI AND MURADIM”

M.M. Khabutdinova

*Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russian Federation
mileuscha@mail.ru*

Abstract. Research objectives: The purpose of the study is to restore the chronicle in the work of the Tatar scholar-encyclopedist, Naki Isanbet (1899–1992), pertaining to the creation and promotion of the consolidated text of the Bashkir folk epic, “Idukai and Muradim”. The research material was based on personal sources: memoirs, correspondence of a folklorist, a summary text of the 1933 edition with author's notes for translators. In the second half of 1920s to the first half of 1930s, Naki Isanbet participated in the first academic project in Russian history to collect, study, and create critical texts of epics of the peoples of the USSR, headed by scientists of the USSR Academy of Sciences. The Tatar scientist is rightfully considered a pioneer in this field. Naki Isanbet's textual works on the epic, “Idegey”, have been recognized not only within the USSR, but also abroad.

Research materials: The comprehensive text of the “Idukai and Muradim” epic by Naki Isanbet (1933); sources of a personal nature: memoirs, correspondence with a folklorist, etc. The research was conducted using cultural-historical, comparative, and descriptive methods.

Novelty of the research: The novelty of our research is found in its comprehensive study of the creative history of the textual work on the “Idukai and Muradim” Bashkir epic, providing the first summary text and the history of this epic's development.

Results of the research: The scientific and historical value of this source has been determined within the framework of the study. The objective and subjective reasons for the dramatic fate of the consolidated text of the Bashkir version of the epic about Idegey are revealed. The structure of the handwritten text in Latin is described. Its plot and compositional features, character system, and artistic features are briefly described. It is demonstrated that Naki Isanbet was the first compiler of the consolidated text of the Bashkir folk epic, “Idukai and Muradim”. A comparative analysis of the editions of the consolidated text of 1928 and 1933 indicates that there was a “general constructive premeditation” aimed at actively influencing the reader, following the established genre and stylistic canon, as was noted by the textual critic. The history of Naki Isanbet's cooperation with the Academia publishing house eliminates not only one of the “blind spots” in the history of the existence of this consolidated text, but also indirectly characterizes the circle of collaborative contacts of the Tatar scientist with Russian folklorists in 1930.

Keywords: Naki Isanbet, The Golden Horde, Tatar textual studies, summary text, Bashkir folklore, Bashkir folk epic “Idukai and Muradim”

For citation: Khabutdinova M.M. The History of the Creation and Promotion of the First Consolidated Text of the Bashkir Folk Epic “Idukai and Muradim”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 943–969. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.943-969> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out within the framework of topic of the Social Projects Support Fund -2/24 with the support of the Tatarstan Academy of Sciences according to the Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan No. 565 (dated July 16, 2024).

Данная статья является очередной в цикле наших работ, посвященных изучению вклада Наки Исанбета в исследование и популяризацию сведений о Золотой Орде, в том числе народных эпосов об Идеее [10; 22; 23; 24; 25; 26; 28; 29]. К сожалению, в региональной фольклористике продолжают появляться работы, где некорректно оценивается вклад ученого в изучение башкирского и татарского эпических памятников. Так, например, в 2022 г. башкирские исследователи А.Г. Салихов, Н.А. Хуббутдинова, разрабатывая вопрос об истории изучения башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым», со ссылкой на труды Н.Т. Зарипова хотя и признают первенство Наки Исанбета в деле составлении общего свода этого памятника, однако в результативной части своей статьи делают вывод, который вводит читателей в заблуждение: «В современной татарской филологической науке данный свод изучается как письменный дастан об Идеее, созданный, как признают ученые, на основе вариантов эпоса, хранящихся в фондах ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, которыми являются списки, непосредственно записанные у сибирских татар» [20, с. 61–62]. При этом башкирские ученые делают ссылку на статью татарского фольклориста Л.Х. Мухаметзяновой [18, с. 94], посвященную на деле изучению не башкирской версии, а книжной версии дастана «Идегей» татар Поволжья. Это не единичный случай фальсификации при изучении эпического наследия двух братских народов.

Изначально хотелось бы обратить внимание на то, что Наки Исанбет уже в 1930 г. ратовал за издание башкирского фольклора. Ученый выступал против любых проявлений “ложного” патриотизма, ратуя за публикацию уникальных материалов, принадлежащих каждому из братских народов, не допуская путаницы. В письме к С. Кудашу в 1980 г. татарский писатель, подводя итоги своей работы на склоне лет, так определяет свой вклад в культуру земляков:

“Что бы ни говорили, однако ты прав, я являюсь человеком, который для башкирских детей создал азбуку на родном языке; выступил составителем хрестоматии по литературе; кроме того, подписав договор, сдал в Башкнигу хрестоматию с образцами башкирской народной литературы, собранными на Урале, который я не раз обошел пешком с котомкой за плечами; разработал теоретические вопросы ее изучения. К сожалению, этот мой труд так и не увидел свет из-за того, что мои башкирские уфимские друзья не смогли отстоять и защитить мое имя во время провокации 1930-х гг. – дела «Джидеген» и последовавшего за ним погрома. Написанный 50 лет назад этот труд, если на него посмотреть сквозь призму сегодняшних достижений, возможно, и далек от совершенства, однако он является еще одним свидетельством дружбы между двумя братскими народами; моего вклада в собирание, систематизацию и изучение башкирского фольклора; весомое доказательство проделанной мной работы” (*подстр. пер.* здесь и далее наш – М.Х.)¹.

В 1994 г. фольклорист Н.Т. Зарипов написал ряд фундаментальных работ, посвященных изучению башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым» (см., например, [16]). Было бы логично, чтобы новое поколение фольклористов, краеведов, взяв на щит достигнутое, приступило бы к изучению

¹ Письмо Наки Исанбета Сайфи Кудашу // Личный архив писателя Наки Исанбета. Рукопись на татарском языке. Казань, 1980. С. 16.

архивных первоисточников. Вызывает недоумение, почему соответствующая работа не была проделана на средства гранта РГНФ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта №16-14-02002 «Устная эпическая традиция во времени (на примере эпосов «Идукай и Мурадым», «Кузыйкурпяс и Маянхылыу»). Давно пора ввести в научный оборот вводную статью и анализ Наки Исанбета на арабице об истории бытования данного башкирского народного эпоса, особенностях композиции и поэтики и др. объемом в 24 с. В 1994 г. Н.Т. Зарипов в своей книге указал на то, что этот научный труд татарского ученого, выполненный на листах нестандартного объема в 1930 гг., не был утрачен и хранится в Научном архиве федерального исследовательского центра РАН [16, с. 307]. 28 марта 2023 г. мы обратились с такой просьбой к А.Г. Салихову и Н.А. Хуббутдиновой, указав на возникшую путаницу двух сводных текстов в их статье. Мы планировали подготовить к печати на основе изучения материалов в башкирском и татарском архивах совместную с башкирскими коллегами статью, чтобы объективно раскрыть вклад татарского ученого Наки Исанбета-уроженца Башкортостана в собирание, систематизацию, изучение и продвижение башкирского фольклора. Ввиду затянувшейся паузы, мы решили написать очередную работу самостоятельно, т.к. обнаружили, что ряд других исследователей, анализируя «Идукай и Мурадым», лишь вскользь упоминают имя Наки Исанбета (С.А. Галин [5], Р.М. Зарипова [11] и др.), а в некоторых работах, посвященных изучению художественных особенностей эпоса «Идукай и Мурадым», имя татарского ученого-фольклориста и текстолога не упоминается в степени изученности вопроса и вовсе (З.Г. Аминев [3], А.Х. Давлеткулов [6; 7; 8], Р.А. Султангареева [21] и др.). Жаль, что традиция объективного и всестороннего изучения этого башкирского народного эпоса, заложенная в трудах фольклориста Н.Т. Зарипова, не востребована.

Введенные нами в научный оборот эпистолярные источники содержат ряд документальных свидетельств, которые проливают свет на хронику работы Наки Исанбета над составлением и продвижением сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым», который татарский ученый уже в 1930 г. считал предметом особой гордости земляков, достойным издания в столичном издательстве в серии, где позднее был опубликован знаменитый карело-финский эпос «Калевала». «Мышиная возня» со стороны уфимских коллег в 1934 г. помешала Наки Исанбету сделать столь весомый подарок землякам, хотя исследователь успел заручиться поддержкой мэтров отечественной фольклористики и тюркологии. Осознать масштаб утраченной возможности помогают сохранившиеся документы.

Обсуждение. Изначально труды Наки Исанбета восхищают читателей своей прочной и выверенной методологической базой. Очевидно, что ключ к этому феномену следует искать не только в энциклопедической натуре, исключительном трудолюбии ученого, но в том числе и в характере его научных контактов. В своих воспоминаниях Наки Исанбет не скрывает, что стал собирать и изучать фольклор под влиянием Г. Тукая и К. Насыри. Известно, что в медресе «Мухаммадия» будущий ученый занимался в фольклорном кружке Ходжи Бадыгова (Хужа Бадыгый, 1887–1940), который стажировался у венгерского этнографа, антрополога, фольклориста Дьюлы Месароша (1883–1957).

В 1920 г. Наки Исанбет поступает учиться в Уфимский институт народного образования. По инициативе Башнаркомпроса, отучившись год, в разгар Гражданской войны, он внезапно переводится на третий курс Харьковского института народного образования. Почему Башнаркомпрос направляет лектора-активиста, согласовав с Москвой, учиться в Одессу или Харьков? А в это время другой знаменитый фольклорист, уроженец Сарапульского уезда Вятской губернии, Д.К. Зеленин не может покинуть Харьков, опасаясь за свою жизнь в пути, и занять место ординарного профессора в Казанском университете. В письмах к руководству университета известный этнограф обещает «прибыть в Казань при первой возможности безопасного переезда». Известно, что в 1919 г. Д.К. Зеленин успел частично перевезти свою библиотеку в Казань. Наше внимание привлекло письмо ученого к академику С.Ф. Ольденбургу от 4 октября 1918 г., где он посетовал, что из-за Гражданской войны лишился доступа к своим экспедиционным материалам, оставшимся на родине на хранении у родственников. А тем временем Наки Исанбет, презрев опасности, получив две справки-направления на учебу в Совет Одесского университета и Харьковский университет, уезжает из Уфы и в условиях выхода страны из ада Гражданской войны оказывается в Харькове. Причина, как нам кажется, кроется не столько в необходимости смены климата из-за астмы, голода Поволжья, но прежде всего в том, что в эти годы в Одессе и Харькове располагались мощные центры русской фольклористики. В то время Украина была юридически независимой Украинской Советской Социалистической Республикой, находящейся в военно-политическом союзе с РСФСР, а Харьков был ее столицей. Только к осени 1920 г. на основной территории УССР закончились военные действия. Как отмечает Т.Г. Иванова, «до революции 1917 г. фольклористика в организационном плане развивалась в основном внутри научных обществ (Русское географическое общество; Общество любителей естествознания, Антропологии и этнографии при Московском университете; Московское археологическое общество; Харьковское историко-филологическое общество; Уральское общество любителей естествознания, и др.)» [14].

Харьковский университет в годы революции и Гражданской войны превратился в Центр притяжения выдающихся учёных-фольклористов и этнографов, несмотря на неоднократную смену властей в городе. Здесь преподавали учёные-этнографы, филологи, в том числе такие известные фольклористы, как Д.К. Зеленин, Е.Г. Кагаров (1882–1942), Н.Ф. Сумцов (1854–1922), Р.С. Данковская (1885–1956) и др. На заседания Харьковского Научного общества для участия в дискуссиях приглашались такие крупные учёные, как Ю.М. Соколов (1889–1941), Г.С. Виноградов (1886–1945) и др. Такая форма

Рис. 1. Фотография Н. Исанбета из студенческого билета Харьковского университета.

Fig. 1. Naki Isanbet photo from the student card of Kharkov University.

работы позволяла, не дожидаясь публикаций, быть каждому из фольклористов в курсе научных идей своих коллег.

Смеем предположить, что Наки Исанбет (рис. 1) смог перепрыгнуть через курс и восстановиться на третьем, благодаря поддержке земляка, автора «Очерков русской мифологии» (1916) – Д.К. Зеленина, который был завкафедрой славяно-русской филологии Харьковского университета. Татарского ученого, должно быть, заинтересовала его методология сравнительно-сопоставительных исследований восточнославянского («русского» или общерусского) материала с материалом этнически неславянским – финно-угорским, тюркским. «Очерки» Д.К. Зеленина явились одной «из первых серьезных работ, освещающих соотношение русской мифологии с мифологиями «инород-ческими»». За этой книгой, как указывает Н.И. Толстой, «должны были последовать книги, посвященные целой серии обрядов и действий мифологического характера», «обозревающие основные русские мифологические представления, лежащие в основе русской дохристианской народной духовной культуры». Однако неблагоприятные для автора условия в конце 1920-х, в 1930-е и в 1940-е годы, видимо, помешали Д.К. Зеленину осуществить этот замысел. Не стоит забывать и о том, что «редкое по своей полноте познание архивного материала сочеталось у этого уникального ученого с хорошим знакомством с научной литературой и, что самое важное, с «полевыми» наблюдениями в родном Вятском крае, в Оренбургской, Пермской, Уфимской, Костромской, Псковской, Рязанской губерниях и Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях» (См. подр.: [12, с. 10–28]). Д.К. Зеленин в 1920 г. разрабатывал новые методы в изучении народного быта. Фольклорный текст ученым не сводился только к вербальной (литературной) составляющей. Интерес исследователя был сосредоточен на историческом, бытовом, языковом, обрядовом контекстах фольклорного текста.

21 августа 1921 г. Наки Исанбет становится сотрудником Секретариата ЦК КП(б) Украинской ССР – переводчиком татарской секции. Учебу в университете успешно совмещает с работой и творчеством. Спустя два месяца Наки Исанбет вновь возвращается к лекторской работе: с 15 ноября 1921 г. по 5 февраля 1922 г. читает лекции на шестимесячных педагогических курсах при Татарской секции Наркомпроса Украины. Из-за возникших материальных трудностей, смены языка обучения в Харьковском университете с русского на украинский Наки Исанбет уезжает по направлению ЦК КП (б) Украины на учёбу в Москву. В личном архиве ученого сохранилось Удостоверение, датированное 28 января 1922 г., о том, что Наки Исанбет отправлен Наркомпросом УССР в распоряжение Наркомпроса РСФСР в г. Москва. Согласно Трудовому списку, он был студентом Коммунистического университета трудящихся Востока с 9 февраля (15 марта) по 25 сентября (1 октября) 1922 г. Здесь Наки Исанбет учится в подготовительной группе переводчиков марксистской литературы.

1920-е гг. – это период открытых дискуссий, появления новых научных школ и направлений, кружков. В это время этнологические экспедиции опирались на местные краеведческие организации. Новые методы в изучении народного быта были тесно связаны также с именем Д.К. Зеленина, который вместе с единомышленниками занимался изучением исторического, бытового, языкового, обрядового контекстов фольклорного текста. Знаменитый

ученый, будучи в Харькове, был членом московской секции Российской Академии истории материальной культуры. Членами этнологического отделения также были В.В. Богданов (глава отделения), А.Н. Максимов, В.А. Гордлевский, Б.А. Куфтин, М.В. Сергиевский, Б.В. Миллер, Б.С. Жуков [14]. 4 апреля 1921 г. на закрытом заседании Московского лингвистического кружка (1915–1924) в Историческом музее Ю. М. Соколов сделал доклад об организации подотдела фольклора ЛИТО Наркомпроса. В 1921 г. созданный в 1919 г. в Петрограде при Петроградском университете Институт имени А.Н. Веселовского был переименован в НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока. Бюджет и штаты этого подразделения утверждались непосредственно в Наркомпросе. 19 ноября 1925 года в Институте была образована секция «Живой старины» (фольклора), где председателем стал Д.К. Зеленин, а секретарем – Н.Е. Ончукова. В работе секции фольклора принимали участие В.П. Адрианова-Перетц, В.М. Жирмунский, Н.С. Державин, П.К. Симони, Л.Я. Штернберг, А.И. Никифоров, В.И. Чернышов, А.А. Макаренко, Н.М. Элиаш и другие видные ученые [13]. Д.К. Зеленин сотрудничал с В. Проппом и был рецензентом его работы «Морфология русской народной сказки», работать над которой ученый начал еще в 1921 г. (Протокол №17 заседания Сказочной комиссии от 12 февраля 1926 г.). (См. подр.: [12; 14]).

Осенью Наки Исанбет был вынужден уехать из столицы. В Удостоверении от 30 сентября 1922 г. утверждается, что Наки Исанбет решением мандатной комиссии не принят в КУТВ и откомандировывается обратно в распоряжение Башкирского представительства Народного комиссариата национальностей РСФСР. Ученый был беспартийным, поэтому не отвечал требованиям этого учебного заведения, нацеленного на подготовку «учителей коммунизма».

Вернувшись из Москвы, Наки Исанбет в Академцентре Наркомпроса Башкирской АССР, занимается разработкой учебной литературы. Однако, судя по сохранившимся в архиве удостоверениям, параллельно ведет полевые исследования. Наки Исанбет сохранил удостоверение о «научной командировке-экскурсии в Крым и на Кавказ для изучения быта, культур и литературы населения указанных областей», датированное 19 июля 1927 г., подписанное наркомом просвещения Башкирской АССР А.Т. Гисматулиным. В архиве ученого хранятся удостоверения и справки 1920-х гг. с требованием не чинить препятствия краеведу при сборе фольклорных материалов и помогать с подводами для передвижения по тому или иному району.

Научные контакты фольклориста после работы в 1928 г. в составе Башкирской комплексной экспедиции АН СССР (далее – БКЭ АН СССР) выходят на новый уровень. Наки Исанбет был прикомандирован к лингвистико-фольклорному подотряду, которым руководил Н.К. Дмитриев (рис. 2)*.

В ходе экспедиционной работы Наки Исанбет собрал богатый материал, который в дальнейшем был использован ученым при составлении хрестоматии «Башкирский фольклор», не изданной до сих пор. В частности, Наки Исанбет записал 3 варианта башкирской версии об Идиге из уст информантов

* Все фотографии документов – из личного фонда Наки Исанбета.

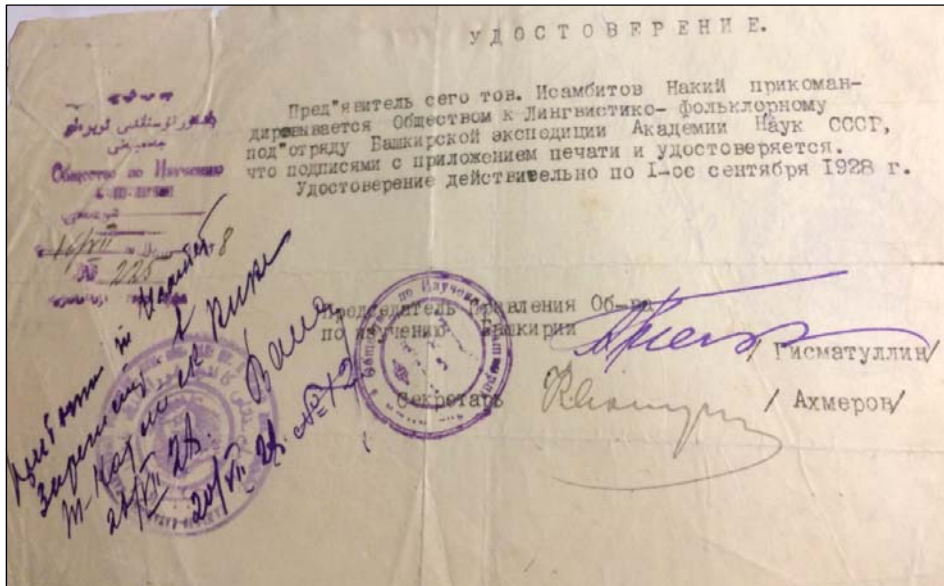

Рис. 2. Командировочное удостоверение Наки Исанбета №225 о работе в Башкирской комплексной экспедиции АН СССР.

Fig. 2. Naki Isanbet's travel certificate No. 225 on work in the Bashkir complex expedition of the USSR Academy of Sciences.

Салима-хальфы (д. Кусимово (Күсем авылы) Тамьян-Катайского кантона (Абзелиловский р-н), Бикбулатова (д. Туркменево Зилаировского района), Вали Магазиева (д. Нугаево (Нугай авылы – Яикбаево, Баймакский район). По мнению ученого, записанные версии в жанровом отношении представляли из себя легенды [4, с. 135; 10, с. 184–185].

Данный экспедиционный материал был сдан в Академцентр Наркомпроса Башкирской АССР в 1928 г., о чем Наки Исанбету была выдана расписка. Затем ученый приступил к обработке и изучению собранного материала. Татарский ученый сравнил свой полевой материал с вариантами, записанными коллегами Сагитом Мрясовым (информант – Кажергул карт из деревни Фазылша) и Даутом Юлтыевым (информант – Батырхан карт из Тук-Сорана). В результате проделанной работы Наки Исанбет пришел к заключению, что указанные варианты мало чем друг от друга отличаются². В 1930 г. фольклорист сдал подготовленную к печати рукопись со вступительной научной статьей на арабской графике в Академцентр [16, с. 443].

Сводный текст с научными комментариями представляет из себя машинопись на латинице на нестандартных листах. Она хранится в УФИЦ РАН³. Муссируемые в окололитературных и околonaучных кругах с 1930-х гг слухи о плагиате Наки Исанбета, легко разбиваются, если заглянуть во вступительную статью ученого, где он оговаривает, что сводный текст составлен на основе записанных им в экспедиции вариантов, а также отрывков из вариантов,

² Исәнбәт Н. Идүкәй менән Морадым. Текст. 36 б. Фәнни мәкалә «Идүкәй менән Морадым күсереге турысында». 24 б. // НА УНЦ РАН: Ф.3, Оп.12. Д. 232.

³ Идүкәй һәм Морадым / Nәги Исәнбәт варианты. Текст. 42 б. Keres syze. 34 б. // УФИЦ РАН: Ф. 3, Оп. 12, Д. 223; Ф. 3, Оп. 12, Д. 225; Ф. 3, Оп. 12, Д. 231.

записанных Сагитом Мрясовым и Даутом Юлтыевым, а также пословиц тюркских народов. Ученый во введении к своей научной работы выразил благодарность своим коллегам за предоставленную ему возможность поработать с этими источниками. На это обратил внимание в своей книге в 1994 г. и фольклорист Н.Т. Зарипов [16, с. 308].

В 1930 г. кропотливая текстологическая работа Наки Исанбета прошла этап рецензирования в Научном обществе. Получивший положительную оценку рецензентов сводный текст башкирского народного эпоса «Идукай» (составитель Наки Исанбет) был рекомендован секцией языка и литературы 17 января 1930 г. к печати. Работа татарского ученого была включена в Научный план Башкирского книжного издательства [16, с. 309–310]. Однако данная рукопись «мертвым грузом» в Уфе пролежала, по словам ученого, 13 лет⁴. Попытки издать ее отдельной книгой в Уфе предпринимались в 1934–1935 гг. (См. пометки на рукописи Наки Исанбета⁵).

Мы считаем, что судьба сводного текста Наки Исанбета оказалась столь драматичной по ряду объективных и субъективных причин.

1. Одним из негативных факторов явилось отсутствие у БКЭ АН СССР должного финансирования. В 1929 г. наступил переломный момент в ее деятельности. За год в АН СССР в ходе «чистки» было арестовано 150 сотрудников. Сия участь не обошла и руководителей БКЭ АН СССР. В результате ряда реорганизаций в ходе выработки новой государственной научной политики между Совнаркомом Башкирской АССР и Советом по изучению производительных сил АН СССР (СОПС) возникли финансовые разногласия. Отступив от имеющихся договоров, Центр все отдал на откуп региону. СОПС считал, что республика самостоятельно должна решать вопрос по финансированию БКЭ АН СССР. Выделенных Центром денег не хватало для организации полноценной работы. К 1931 г. долг по смете экспедиции, как указывает в своем исследовании Е.Н. Алдашова, составлял 50 тысяч 729 рублей 73 копейки. Несмотря на выделенные в 1932 г. 2 тысячи рублей, дефицит сметы не был преодолен [2, с. 93–94]. Вот почему вопрос об издании научных трудов БКЭ АН СССР в 1932 году оставался открытым, что не могло не отразиться на судьбе рукописи Наки Исанбета в Уфе.

2. Второй причиной стала травля ученого. Из-за «академического дела», скандала вокруг пьесы «Портфель» Наки Исанбет в начале 1930 г. был вынужден вместе с семьей переехать в Казань, где над ним нависла новая угроза ареста по сфабрикованному делу «Жидегэн» («Джидеген») [19, с. 450–470]. Сведения об обстоятельствах жизни ученого в этот драматичный период имеются и в официальных «Автобиографиях», обнаруженных в личном архиве:

«В 1930 году я переехал в Казань, но рапповцы обвинили меня в принадлежности нелегальщине, так называемой «Джидганщине» «Семерке» и отстранили на долгие годы от литературной деятельности, вследствие чего я

⁴ Исәнбәт Н. Башкортостан язучылар союзына Ачык хат // Личный архив писателя Наки Исанбета. На латиннице. 4 л. Без даты. Л. 2.

⁵ Исәнбәт Н. Идүкәй менән Морадым. Текст. 36 б. Фәнни мәкалә «Идүкәй менән Морадым күсереге турысында». 24 б. // НА УНЦ РАН: Ф.3, Оп.12. Д. 232.

поступил рабочим на фабрику «Спартак», а позже вел преподавательскую деятельность»⁶.

«Орудовавшие тогда в Казани татарские рапповцы вынесли решение, что я классовый враг, буржуазный националист и выгнали из литературы. Я был под следствием и скоро был реабилитирован, но эсеры и рапповцы так зашумели и все равно не допустили меня ни к преподаванию, ни к литературе»⁷.

3. В числе преследователей Наки Исанбета были земляки, перебравшиеся из Уфы в Казань и оказавшиеся на руководящей работе в Татарском обкоме ВКП (б). Конфликт с Газымом Касымовым (1891–1937), разгоревшийся в Уфе, в Казани вышел на новый уровень. Наки Исанбет мог контактировать с этим деятелем еще в 1919 г., когда начал печататься в газете «Чулпан», редактором которой был назначен Г. Касымов, командированный ранее из Уфы в Москву для сопровождения имущества «Милли Идаре». В 1920 г. земляк Наки Исанбета стал членом Уфимского губернского ревтрибунала. В 1922 г. он занял пост председателя Губернского совета просвещения мелких национальностей. По прибытии резиденции руководства Башкирской АССР из Стерлитамака в Уфу Г.К. Касымов был вновь назначен Председателем Башкирского Единого Ревтрибунала. Эту должность он занимал до 1 января 1923 года. В 1923–1924 г. Г.К. Касымов был избран народным комиссаром Рабоче-Крестьянской инспекции БАССР. В 1924–1926 гг. он работал в должности наркома просвещения БАССР. В 1926–1928 гг. Г.К. Касымов стал наркомом юстиции БАССР. Одновременно он занимал пост прокурора Башкирской АССР. В 1928 г. стал председателем Центрального комитета нового башкирского алфавита при БашЦИКе. В январе 1929 г. Г.К. Касымов был откомандирован в Казань (см. подр. [9, с. 136–137]).

Согласно воспоминаниям самого Наки Исанбета, он соприкоснулся с этим партаппаратчиком в период преподавательской работы в 4-й школе и общественной деятельности в Уфе. По наблюдению татарского ученого, Г.К. Касымов в те годы претендовал на лавры Г. Ибрагимова. Однако, несмотря на организаторский дар, по оценке Наки Исанбета, на культурном фронте этот функционер успел наломать немало дров: «Мечтая о головокружительной карьере, возможно, он и желал лучшего на ниве литературы-искусства, однако не будучи специалистом в этой сфере, не имея фундаментальных знаний в этой области, на деле по большому счету вставлял всем палки в колеса, оказывая медвежью услугу.» (*подстр. пер.*) [16, с. 459].

Наки Исанбет схлестнулся с Г.К. Касымовым из-за травли поэта Сагита Рамиева, затем из-за невыплаченного гонорара за перевод гимна «Интернационал», занявший призовое место в конкурсе [19, с. 460–461]. У этих стычек в Уфе в будущем были нешуточные последствия: арест по делу «Джидеген», которое было сфабриковано против Наки Исанбета в Казани; отлучение от литературы, невозможность получить высшее образование и т.д. Г.К. Касымов сначала «работал проректором Татарского коммунистического университета, некоторое время – в аппарате обкома партии, в 1931–1934 годах – директором Восточного педагогического института, заместителем наркома зем-

⁶ Исанбет Н. Автобиография // Личный архив Наки Исанбета. Машинопись на кириллице. Без даты. 3 л.

⁷ Исанбет Н. Автобиография // Личный архив Наки Исанбета. Машинопись на кириллице. Без даты. 3 л.

леделия ТАССР, а с августа 1935 года – директором Казанского педагогического института» [9, с. 136–137]. Уфимская интеллигенция знала о влиятельном государственном деятеле, преследовавшем Наки Исанбета, поэтому многие предпочли дистанцироваться от опального писателя, сведя деловые контакты до минимума, чтобы не навлечь беду на себя. О мстительном нраве Г.К. Касымова Наки Исанбета предупредили и соратники, ставшие случайно свидетелями их стычек на одном из заседаний [19, с. 463]. Все это в свою очередь также негативно отразилось на издательской судьбе сводного текста «Идукай и Мурадым». Башкирское издательство предпочло вернуть выданный «опальному автору» аванс и разорвало имеющиеся договоры. Так рукопись вновь оказалась в Башкирском научно-исследовательском институте.

4. Четвертой причиной стала «мышьяковая возня» вокруг сводного текста в Башкирском комплексном научно-исследовательском институте (далее – Башкирском НИИ), созданном в 1930 г. на базе Академцентра с образованным при нём «Обществом по изучению Башкирии», преобразованном в 1931 г. в Институт национальной культуры. По воспоминаниям Юлдуз Исанбет, Наки Исанбету предложили записаться башкиром, т.к. в соответствии с установкой, спущенной свыше, составителем сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым» должен был быть ученый-башкир. Наки Исанбет отказался менять свою национальность.

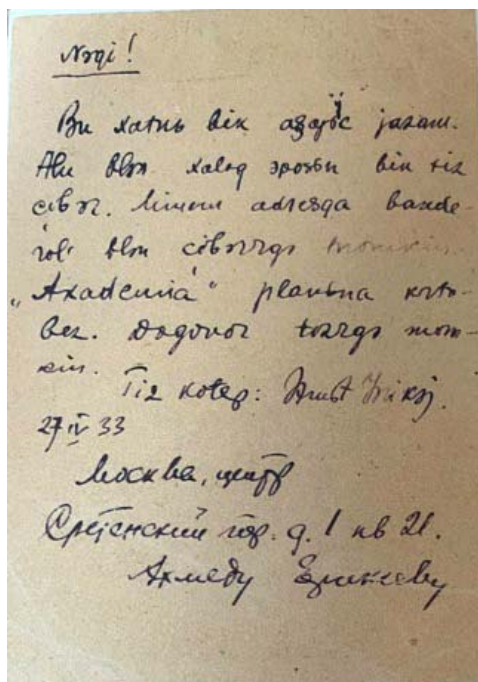
Несмотря на арест и травлю, ученый не опустил руки. Отлученный от литературы, он был вынужден в 1930-е годы сконцентрироваться на научной работе и преподавательской деятельности. Наки Исанбету удалось пробыть со сводным текстом на столичный уровень. Почтовая карточка, отправленная 27 апреля 1933 г. из Москвы земляком, поэтом-переводчиком Ахмедом Ерикеевым, доказывает, что татарский фольклорист, потерпев неудачу в Уфе, добился успеха в столице. Сводный текст Наки Исанбета эпоса «Идукэй менэн Мурадым» был включен в издательский план на 1934 г. книжного издательства «Academia», выпускавшего серии «Сокровища мировой литературы», «Памятники литературного, общественного, художественного быта и искусства» (рис. 3).

К слову, именно здесь в 1932 г. был опубликован «Амран. Осетинский эпос». В 1933 г. в этом издательстве увидели свет финский эпос «Калевала»; поэма М.П. Плотникова «Янгал-Маа», которое характеризуют как «первоисточник народного эпоса манси»; «Сербский эпос». В 1935 г. «Academia» опубликовала «Алтайский эпос», в 1936 г. – «Бурятский эпос» (См. подр. Каталог издательства в 1928–1939 гг. [17]). Однако завистники и здесь перешли дорогу Наки Исанбету.

Письма Ахмета Файзи (рис. 4, 5) проливают свет на дальнейший ход событий. Одно из них написано после завершения работы Первого всесоюзного съезда советских писателей в Москве 9 сентября 1934 г.: «Наки, я задержался с письмом, т.к. ждал окончания работы съезда. Я ведь должен был прояснить судьбу твоего «Едигея». Выяснил. Однако еще не до конца. Дело обстоит так: в издательстве «Academia» на эту твою вещь заведена карточка, однако в графе «автор» значатся фамилии Ахмета Ерикеева и А. Миниха (русский поэт, друг Ерикеева). Твоего имени там нет. Возможно, это получилось так: они оба взяли за перевод этой книги и перевели «вступление». По моей просьбе сотрудники издательства мне показали этот перевод. Так в моих руках

Рис. 3. Письмо Ахмеда Ерикеева Наки Исанбету от 27 апреля 1933 г.
Fig. 3. Letter from Akhmed Erikeev to Naki Isanbet dated April 27, 1933.

оказались 3 больших листа с подстрочным переводом, выполненным Ерикеем, и литературным ритмизированным переводом этого отрывка, который сделал Миних. Твоей рукописи в издательстве нет. Должно она на руках у переводчиков. Ерикеев в Москве нет, а Миних – в Москве. Я обязательно с ним встречу и основательно переговорю. О дальнейшей судьбе поэмы должен знать Соколов из издательства. Однако он здесь бывает оказывается раз в декаду. Мне не удалось с ним встретиться. Я переговорил с одной русской сотрудницей по фамилии Антокольская. Теперь тебе надо с ними выйти напрямую на связь: Москва. /Покровский бульвар/. Больш. Вузовская ул., д. №1, Издательство «Academia», Соколову или Антокольской» (подстр. пер.)⁸.

⁸ Письмо Ахмеда Файзи Наки Исанбету от 9 сентября 1934 г. // Личный архив писателя Наки Исанбета. Почтовая карточка. Москва. На латинице.

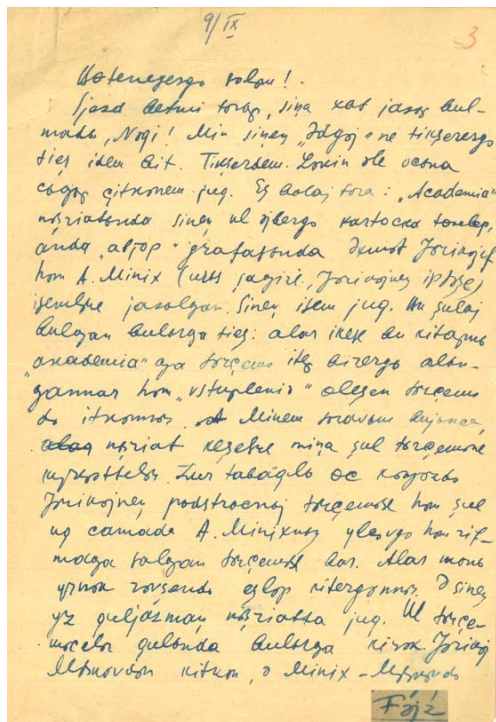

Рис. 4. Письмо Ахмеда Файзи Наки Исанбету от 9 сентября 1934 г.
 Fig. 4. Letter from Akhmed Fayzi to Naki Isanbet dated September 9, 1934.

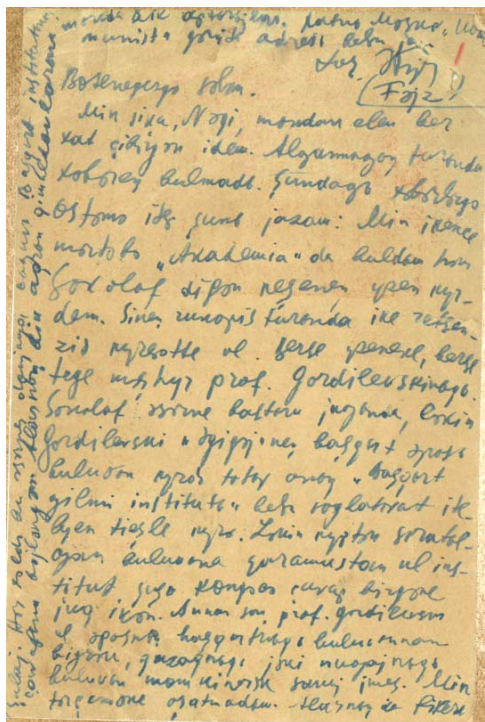

Рис. 5. Письмо Ахмеда Файзи Наки Исанбету. Дата [неразборчиво] 1934 г.
 Fig. 5. Letter from Akhmed Fayzi to Naki Isanbet. Date [illegible] 1934.

В письме упоминается Ю.М. Соколов (1889–1941) – фольклорист, литературовед, этнограф, в 1933 году организовавший секцию фольклора при Союзе писателей СССР. Он является автором учебного пособия «Русский фольклор» (1938, 1941), которое до сих пор считается «классическим университетским учебником». По инициативе братьев Ю.М. и Б.М. Соколовых стала выходить неперIODическая серия книг «Художественный фольклор» (вып. 1–5, 1926 – 1929). В 1936 г. по представлению Московского института филологии, литературы и истории ученый был удостоен степени доктора литературоведения без защиты диссертации. В связи с Постановлением Комитета по делам искусств о пьесе Демьяна Бедного «Богатыри» и последовавшими статьями в «Правде» с критикой взглядов В.Ф. Миллера 27-го ноября 1936 г. Ю.М. Соколов обратился к И.В. Сталину. В письме содержалась оценка сложившегося положения и выражалась надежда на развитие науки о фольклоре. В результате ученому удалось в 1938 году организовать в своем институте кафедру фольклора, которая позже была переведена в Московский государственный университет.

Отрадно, что Ю.М. Соколов всецело поддержал инициативу Наки Исанбета по продвижению сводного текста. Известно, что татарский фольклорист к нему ездил консультироваться и по вопросу систематизации и изучения народных пословиц.

В 1933 г. Наки Исанбет отредактировал текст, ориентируясь на читательскую аудиторию московского издательства и задачи серии. Подстрочный перевод сводного текста он доверил подготовить Ахмеду Ерикею, а литературный – поэту Александру Миниху. Под этим псевдонимом печатался поэт Маслов Александр Викторович (1903–1941). Хорошо его знавшей писатель Павел Железнов охарактеризовал Александра Миниха как «самобытного, своеобразного поэта». А.В. Маслов переводил стихи национальных поэтов на русский язык. В Москве он подружился с Мусой Джалилем, в частности, выполнил авторизованный перевод его стихов. Итогом совместной работы стала опубликованная в 1935-м году первая книга татарского поэта на русском языке. Точкой притяжения этих деятелей в 1934 г. станет Татарская оперная студия при Московской консерватории.

В следующем письме, отправленном Ахметом Файзи вдогонку первому, указаны уже имена рецензентов сводного текста: «Я во второй раз побывал в «Academia» и встретился с человеком по фамилии Соколов лично. Он мне показал две рецензии на твою рукопись. Одна его собственная, другая принадлежит известному профессору Гордилевскому [В.А. Гордлевский – М.Х.]. Соколов ратует за издание книги. Однако Гордилевский считает необходимым заручиться поддержкой, согласовать с Башкирским исследовательским институтом, т.к. эпос считается башкирским. Несмотря на то, что запрос был отправлен давно, институт до сих пор не ответил на запрос. Помимо этого, говорят, проф. Гордилевский склоняется к тому, чтобы назвать этот эпос не башкирским, а скорее казахским или ногайским. Мне перевод не понравился. Того же мнения придерживаются и сотрудники. Выход книги привязан к ответу Башкирского исследовательского института. Они недоумевают, почему те не торопятся с ответом» (*подстр. пер.*)⁹.

Рецензентом наряду с руководителем секции фольклора при Союзе писателей Ю.М. Соколовым выступил известный востоковед-тюрколог, доктор филологических наук, профессор В.А. Гордлевский (1876–1956), автор около 300 работ по турецкому фольклору, литературе, истории Турции. Татарскому ученому удалось заручиться поддержкой столь серьезных ученых, что свидетельствует о высоком уровне проделанной им текстологической работы, и, если бы не затянувшееся «молчание»-саботаж башкирских коллег из Башкирского комплексного научно-исследовательского института, сводный текст башкирского эпоса был бы издан в московском издательстве в один год с «Автобиографией Тимура. Богатырскими сказками о Чингис-Хане и Аксак-Темире» [1]. Очевидно, что Ю.М. Соколов задумал напечатать в один год серию книг о Золотой Орде, чтобы показать рецепцию этой темы в фольклоре тюркских народов в динамике.

5. Пятой причиной стал конфликт Наки Исанбета с Габдуллой Амантаевым (1907–1938). Н.Т. Зарипов зафиксировал в своем исследовании круг исследователей, знакомых близко с текстологическим трудом татарского ученого: это писатели и общественные деятели Даут Юлтыев, Губай Давлетшин, Афзал Тагиров, Габдулла Амантаев, Мавлеткулов и др.

⁹ Письмо Ахмеда Файзи Наки Исанбету. Дата [неразборчиво] 1934 г. // Личный архив писателя Наки Исанбета. Почтовая карточка. Москва. На латинице.

Baqartstan jazucilar Sojuzina
Naki Isanbetton
Ateq xat.
Ondaq xatq jorasa Farax
qintsoyru aluwi belon barckemem.
Baqartsta usunda bayqamjca,
tix slqo sunu yona yter yttse kil:
Kitap bel hom adbiat qilmi insti-
tuta maxara belon ceyarlap ta,
Usmanet jargam sybazında (13na
8.1to) Farax iqadana "... iqtibar
siv... 1938 jaldan yona baslandı"
diga sybar yavus riakarloga belon
mine em unnan qozqplanderda.
Cenap ta bit mindi zur, qilmi qia-
ta!
Kitap toyna Gajam Emiri iqtoz
lar ferman. Farax terbada minem da

1

2
xermetemne xtergo alus qlom
belon jarap cibarelgon.
Ni diim? Alq xtergo alus
ocen do Gajam iqtozuz raxmat!
Inde sal usaj belon min y-
xemem ikone ber xermetemne,
Baqartstan Aji Tel adbiat qilmi
fikserony institutında 13 jaldan
birle sunap jata lorgan. Tolqaj-
Moxadem "no" ~~ta~~ ixkeret xermet
xterledem. An xitp birgon oca
"qilmi keqeta keq" (?) lordon
dmanraj ise bardslor nice jalla
huj' mine syqop, sal uq vaqotto
qilmi sal material ostonds qilmi
huj'v xyratlep, kvalifikatsiobro
xterlep, institutlarda uqotlep.
simo

2

3
ispekulatsia jarap, cep-qozep
jardeln. Inde no ul qimmetle
qilmi xermetnes monnan con da
smdij julqo totolmatonnan min
imin bula alamtb? Sunu ocen do
min Baqartstan jazucilar Soju-
ze ul materialnes jormasora
qiladi qarap, misa jardmgo kiler
dijp qanam hom bu xaqta tybn-
dagelorne iqlan itim:
1. Tolqaj-Moxadem epornoz
dogor'or sroclaro ollo qacan yter
kitxon. Ul qintozga minem bazga
ber kemem do juredix xozqis juq.
2. Anon xycermetne belon fajda
sunuqa da minem jirem raxsaten
hom vakalstemnin bazga ber kemem
do xaq' juq.
3. Anon ostonds qilmi linscunq

3

disertatsia jaxi anar sybarlax
jarap jorery minem karafeman
ber xango do xaq bilclm juq.
Conxi ul qintoz bordon qulqama
balsa, ixoncedon anar minem
karafeman analiz jarclqan.
Qilmi linscunqyalar oca minem
analizni brak'ra celtap, yalovonox
sumon sosmavlarsiman kem
imin? Moxaldo, moxara bulqan
sivelle, bu tirado plagiatclqy
hom xubilclqy ciktos, bilclm
qitn bulclqy. Sunclqan anar jul
qajmox qulqama ficle.
4. Sal ajclqymordm coqep, qit-
qim materialnos oim bulmad'ra-
qma, Baqartstan jazucilar Soju-
minem ul qitqozymoxa yz qulan
alsa ide hom tybnidape adres
belon misa cibars ide.

4

Fig. 6. «Открытое письмо» Наки Исанбета в адрес Союза писателей БАССР.

Fig. 6. "Open letter" by Naki Isanbet to the BASSR Union of Writers.

Обнаруженное в архиве Наки Исанбета «Открытое письмо» в адрес Союза писателей БАССР (рис. 6) свидетельствует о том, что ученый-текст-

толог систематически интересовался у башкирских коллег судьбой своей рукописи и научного труда.

Смеем предположить, что данное письмо было написано не позднее 1939 г., когда при издании второй книги слепого Фарраха издатели «потеряли», т.е. проигнорировали имя первого составителя сборника произведений народного поэта, которым являлся Наки Исанбет (См. подр. [29]). В «Открытом письме» фольклорист требует вернуть ему рукопись сводного текста и анализ, чтобы воспрепятствовать краже материала: «Пользуясь случаем вынужден напомнить вам о еще одном труде “Идукай и Мурадым”, застрявшему на 13 лет в Башкирском научно-исследовательском институте языка, литературы. Вот уже несколько лет “псевдоученые” типа Амантая, организовавшего всего лишь набор моей рукописи на машинке, обрушивают на меня поток ругательств, живут при этом припеваюче, демонстрируя на моем материале свой научный багаж, улучшая свою квалификацию, используя в преподавательской деятельности. Есть ли гарантия, что в дальнейшем судьба моего ценного научного труда будет благополучной, не окажется в руках таких проходимцев? Вот почему я прошу Башкирский Союз писателей принять деятельное участие в судьбе моего ценнейшего научного труда, оказать мне посильную помощь и содействие:

1. Сроки издательского договора по эпосу “Идукай и Мурадым” давно истекли. На этот сборник, кроме меня, ни у кого авторских прав нет.

2. Никто от меня не получал разрешения делать копии моей работы и на это ни у кого прав, кроме меня, нет.

3. Я не выдавал никому разрешение вести на этом материале какую-либо исследовательскую работу, писать диссертацию, никто не имеет права, кроме меня, на написание к нему вступительного слова. Во-первых, данный сборник не был издан и существует в рукописном виде, во-вторых, к нему написан уже мой анализ. Кто наделил правом исследователей, забрав мой анализ, на его основе написать свою работу? Во всяком случае, в таком случае будет трудно в дальнейшем разобраться, в каких объемах произошло плагиатничество и жульничество. Вот почему возникла необходимость всемерно этому препятствовать.

4. Исходя из сказанного Башкирский Союз писателей во имя сохранения целостности моего труда должен забрать из Института сборник и выслать на указанный в письме адрес» (*подстр. пер.*)¹⁰.

В открытом письме Наки Исанбет жалуется на самоуправство Габдуллы Амантаева, который в 1933–1937 гг. был первым директором Башкирского НИИ. В 1934 году он стал заместителем председателя правления Союза советских писателей Башкирии, главным редактором журнала «Октябрь». Судя по письму, у директора были свои виды на текстологическую работу Наки Исанбета. Теперь становится понятно, почему издательство «Academia» не дождалось ответа из Башкирского НИИ в 1933 г.

6. В БАССР решили сделать ставку на башкирского поэта, драматурга, фольклориста, чичэна Мухаметшу Бурангулова (1888–1966), который с 1938 г. начал работать в Башкирском НИИ. По словам Н.Т. Зарипова, коллега Наки

¹⁰ Исәнбәт Н. Башкортостан язучылар союзына Ачык хат // Личный архив писателя Наки Исанбета. На латиннице. 4 л. Без даты.

Исанбета начал заниматься изучением эпоса «Идукай и Мурадым» в 1930-е гг. В рамках подготовки к юбилею эпического памятника в институте была сформирована научная группа: Мухаметша Бурангулов, Рашит Нигмати, Баязит Бикбай, перед которыми была поставлена задача подготовить к печати сводный текст эпического памятника. Однако, как утверждает Н.Т. Зарипов, Наки Исанбет оказался «расторопнее» [16, с. 9]. Татарский ученый успел издать составленные им самостоятельно оба сводных текста раньше башкирских коллег. В частности, татарский сводный текст дастана «Идегей» был опубликован в журнале «Совет әдәбияты» в №11–12 за 1940 год (№11 подписан к печати 8 января 1941 г.) [15], сводный текст Наки Исанбета «Idukəj həm Moradum» увидел свет в газете «Коммуна» в апреле 1940 г. [27]. На татарский язык последний перевел Максуд Сюндюкле. Машинопись на латинице объемом в 32 с. хранится в УФИЦ РАН¹¹. Башкирские исследователи утверждают, что Мухаметша Бурангулов в апреле 1940 г. сумел подготовить к печати копию рукописи с башкирским эпосом, датированную 1762 г., оказавшуюся в руках фольклориста в 1910 г. (!) [16, с. 8].

В личном архиве Наки Исанбета в июле 2024 г. мы обнаружили две рукописи об Идегее. Одной из них оказалась рукопись эпоса «Идукэй менэн Морадым», судя по датировке – 20 мая 1933 г. – подготовленная для московского издательства¹². Вторая – типографский вариант татарского «Идегея» с авторскими и корректорскими правками, свидетельствующими, что рукопись в 1941 г., если бы не Великая Отечественная война, была бы опубликована отдельной книгой.

Во введении Наки Исанбет так определяет значение башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым»: – “это произведение вне сомнения является башкирской героической эпопеей” (*подстр. пер.*)¹³. Ученый оговаривает, что решил здесь не останавливаться на вопросах, касающихся поэтики, композиции текста или проводить параллели с другими, бытующими в среде тюркских народов версиями эпоса, т.к. этот материал уже был давно представлен в уфимский Академцентр: “Я здесь не стал останавливаться на таких моментах, как история создания, этнографическое значение, художественное своеобразие, особенности языка и композиции эпоса. Также не стал проводить параллели с другими версиями, бытующими в среде тюркских народов. (Исследования в этой области я представил ранее в Башкирский научно-исследовательский институт)” (*подстр. пер.*)¹⁴.

Значит, Наки Исанбет в 1933 г. рассчитывал, что башкирские коллеги передадут его материалы редколлегии московского издательства. По-видимому, земляк Ахмед Ерикей должен был помочь преодолеть возникшие трения. После окончания Института журналистики в 1930 г. он остался в Москве и занимался переводами на татарский язык русских поэтов.

¹¹ Idukəj həm Moradum / Nägi Isənbət варианты. Текст. 42 б. Keres syz. 34 б. // УФИЦ РАН: Ф. 3, Оп. 12, Д. 232.

¹² Idukəj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жьелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Сүз башы 2 с. Сводный текст 2-32 с.

¹³ Idukəj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жьелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Сүз башы. 1 б.

¹⁴ Idukəj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жьелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Сүз башы. 1 б.

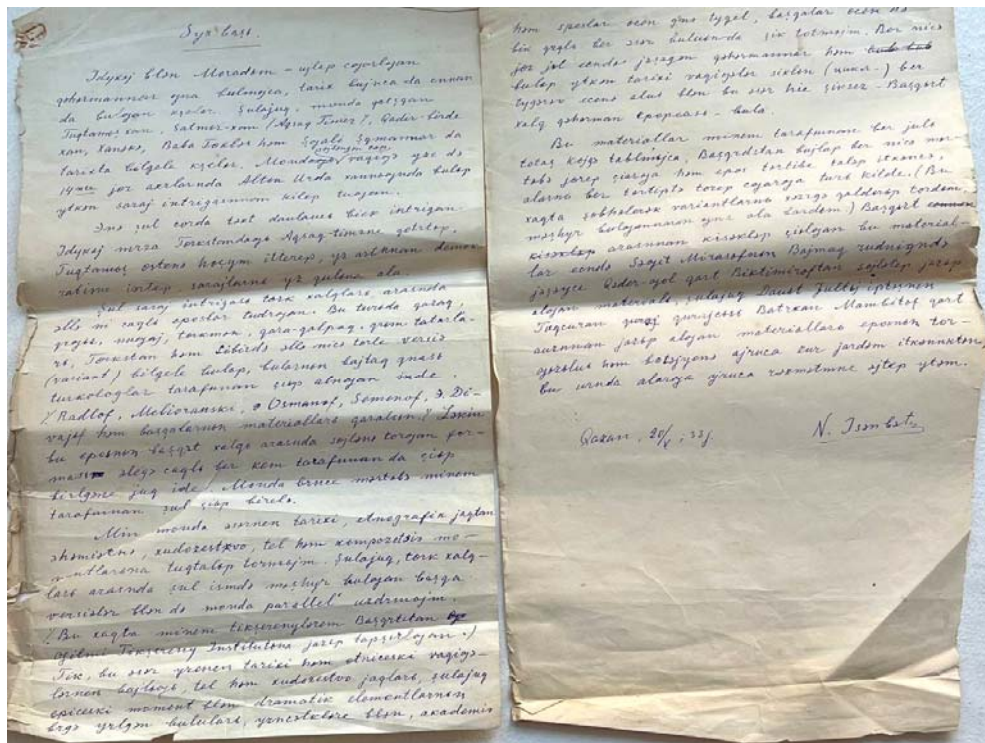

Рис. 7. Введение Наки Исанбета к сводному тексту
«Идукай и Мурадым», 1933 г.

Fig. 7. Introduction by Naki Isanbet to the consolidated text
of “Idukai and Muradim”, 1933.

В введении Наки Исанбет акцентирует внимание читателей на том, что в сводном тексте эпоса встречается целый ряд реальных, невымышленных персонажей: – “встречающиеся в тексте персонажи Токтамыш хан, Сатмор-хан (Аксак Тимер), Кадыр-бирде хан, Ханике, Баба Туклес и Шагали Шакман реально существовали” (подстр. пер.)¹⁵.

В основу сюжета легла дворцовая интрига конца XIV в. Каждый из тюркских народов в своих эпосах по-своему переплавил историю этой междусобицы. Наки Исанбет во введении перечисляет имена тюркологов, которые занимались изучением вариантов эпоса об Идееге: В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, М. Османов, А.А. Семенов, А. Диваев. Акцентируя внимание на новизне своего текстологического труда, татарский ученый констатирует, что до него башкирская версия эпоса не была предметом серьезного научного осмысления. Таким образом ученый застал за собой звание первопроходца: “Однако башкирская версия этого эпоса, бытующая в разных вариантах в устной традиции, до сих пор никем не была составлена в сводный текст. Я являюсь первым составителем сводного текста” (подстр. пер.)¹⁶.

¹⁵ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət җыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Сүз башы. 1 б.

¹⁶ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət җыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Сүз башы. 1 б.

Наки Исанбет считает, что его сводный текст ориентирован на широкие слои читателей. Ученый подчеркивает, что отобрал из имеющихся вариантов самые значимые отрывки. Среди источников, взятых за основу сводного текста, Наки Исанбет называет варианты своих коллег Сагитом Мрясовым и Даута Юлтыева: “Отдельное слово благодарности хотелось бы высказать в адрес моих коллег, записавших варианты эпоса, бытующие в среде башкир, отрывки из которых я использовал при составлении сводного текста, сыгравших важное значение в деле восстановления композиции и в достижении целостности: это вариант, записанный Сагитом Мирасовым из уст старика Кадерьюла, жившего на Баймакских рудниках, а также вариант, записанный товарищем Даутом Юлтыевым из уст кураиста из Гукчырана Батырхана Мамбитова” (*подстр. пер.*)¹⁷.

Н.Т. Зарипов подробно проанализировал все варианты башкирского эпоса «Идукай и Мурадым». Фольклорист кратко пересказал содержание варианта записанного Наки Исанбетом [16, с. 307–323]. В книге вариант татарского писателя дается под 7 номером.

В сводном тексте, подготовленном для издательства «Academia», писатель прибегает к сюжету инициации эпических героев: отца – Идукая – и сына – Мурадыма, на долю которых выпала великая миссия объединения башкирских племен на родной земле.

Биография рода изначально сакрализуется: Идукай называет себя сыном знаменитого старца-суфия Баба Туклеса: Я сын Баба Туклеса¹⁸. Отгадав трудную загадку мудрого старца, эпический герой получает право самостоятельно определять свою судьбу. Получив в дар от Баба Туклеса перстень и коня, Идукай отправляется путешествовать по свету. Согласно тюркским эпическим традициям, герой должен вступить в брак с названной невестой, воспитать сына и защитить страну. В пути Идукаю предстоит испытать и пережить искушение неземной красой русалки («дөнъяда охшаш булмаган кыз»¹⁹) и приключения в «чужом» мире – водяном царстве. Отказ жениться на названной невесте есть нарушение запрета, поэтому героя должно настигнуть наказание за это. Этот эпизод имеет отдаленное сходство с эпосом «Туляк и Сусылу». Идукай по просьбе девушки вступил с ней в связь. Однако из-за нарушенного обещания – не рассматривать неземную супругу во время расчесывания волос – герой вскоре был наказан и вынужден вернуться назад на землю – «свое» пространство, где на берегу ему пришлось ожидать рождения сына, чтобы взять его на воспитание.

В сводном тексте не описываются ратные подвиги героя. Фольклорист включает в текст характеристику, состоящую из сведений, которые собрал об Идукае Токтамыш хан. В народе герой прославился не только своей мудростью, но и проницательностью: «фирсәтле кеше»²⁰. В ожидании его судьбо-

¹⁷ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət žyelmasy // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Сүз башы. 1 б.

¹⁸ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət žyelmasy // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 4.

¹⁹ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət žyelmasy // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л. 4.

²⁰ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət žyelmasy // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 5.

носных решений к Идукаю стал стекаться обездоленный люд со всего ханства: «Халык моньң хөкөмөн бик ярата»²¹. Так подчеркивается в эпосе демократизм героя. Весть о его мудрости, героизме, поэтическом даре чичэна вскоре докатилась и до Токтамыш-хана, и он пригласил его к себе на службу: «Идүкәйнең акыллылығын, батырлығын, чәчәнлеген ишетеп»²². Идукай возглавил войско хана, ярко продемонстрировал на службе лидерские качества: «зур хөкөмчә»²³. Следующее испытание героя связано с «вредителем», в роли которого выступает ревнивая супруга хана, которая стала подозревать Идукаю в измене: она убедила хана, что Идукай рано или поздно начнет претендовать на престол: “придумай какой-нибудь повод, подведи его под смерть, иначе сам погибнешь” (*подстр. пер.*)²⁴. Спаситься от верной гибели помогает Идукаю слуга по имени Лачын. Идукай вместе с сыном покидает ханский двор. Хан сталкивается с новой трудностью – 9 батыров саботируют приказ принести ему отрезанную голову врага: «Батырлар берүсә дә дәмшиләр: һәммесе тик торалар». Оказавшись на распутье, Токтамыш приглашает к себе 195-летнего мудреца Субру, который знакомит с историей Нугай йорты, приоткрывает завесу тайны над Идукаем. Старец делает предсказание хану: «Әй ханиәм, ханиәм, / Шушы киткән Кобагыр / Иләнне килеп басар». Субра рекомендует хану вернуть Идукаю назад. 9 батыров были направлены с этой задачей ему вслед. Однако обиженный Идукай на предложения Янбая отвечает отказом и сообщает о намерении поступить на службу к Сатмыр-хану (Аксак Тимер). В пути он освобождает из плена ханскую дочку, что позволяет ему сблизиться с этим правителем. Идукай видит вещий сон, который помогает расшифровать мудрый старец: «Ил солтаны булырсың». Идукай обещает в случае победы посадить на трон Токтамыш-хана сына и женить его на ханской дочери. Сын Кадыр-бирде тем временем разработал коварный план, как рассорить отца с сыном и посеять раздор: он советует не ждать Мурадыма и самому жениться на ханской дочери. Когда сын Идукай, убив Токтамыша возвращается на ханский двор, то застаёт отца, обнимающего одной рукой ханскую дочку, другой – дочь Тимерхана. Вспылив, ведомый ревностью, сын набрасывается на отца и выбивает ему глаз. В ответ Идукай не скрывает своего разочарования в сыне. Отец подробно перечисляет, что он сделал для него, какую роль сыграл в его возвышении и предупреждает его, что междоусобица приведет к гибели. Разгоряченный гордый Мурадым покидает отца, планирует смыть свой сыновий грех хаджем. Мурадым перед тем, как отправиться на земли предка Баба Туклеса на реке Дим, со своими 17 воинами одержал победу над Кадыр-бирде и разорил его ханство. В сводном тексте кратко описывается возвышение Мурадыма до правителя: «Мурадым вместе

²¹ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 5.

²² Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 5.

²³ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 5.

²⁴ Idukaj belən Moradum (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 6.

со своими батырами поселился в окрестностях Нарыстау в долине реки Дим, которая впадает в реку Идель. Сын Идукая становится правителем ногаев и башкир, состоящих из 12 юртов». Супруга советует Мурадиму получить благословение отца, прийти к такому выводу заставили выходки своенравного сына. Мурадым совершает хадж и просит прощение у отца. Благодаря молитвам сына, Идукай вновь обретает зрение. Отец прославляет сына. Вскоре он умирает. Его могила у подножия горы превращается в сакральное место поклонения (зийарат). К священному роднику, вытекающему из могилы, стекается народ: – «Народ верит, что этот родник берет начало в пуповине аулийа, поэтому наделяет его воды целительной силой». Таким образом, в сводном тексте Наки Исанбета красной нитью проводится мысль о единении семьи, которое становится гарантией единения и благополучия рода. Эпические герои возвышаются до правителей, не сколько благодаря ратным подвигам, а благодаря проявлению мудрости, пронизательности, красноречию. Выполнение отцовского и сыновьего долга становится гарантией благополучия личной судьбы эпических героев, а нарушение приводит неурядицами, угрожающими судьбе рода. Эта мысль доносится в сводном тексте через параллелизм линий судеб эпических героев. Наки Исанбет сохраняет народные традиции в характеристике своих героев: благородство героев соотносится с коварством их противников по принципу антитезы.

Причинами конфликта становятся межличностные противоречия: ревность и коварство супруги хана привели к конфликту Токтамышша с Идегеем, ревность Мурадима и коварство Кадырберди – к конфликту отца и сына.

В системе персонажей важную роль играют мудрые старцы, наделенные пророческим даром. Одним из сюжетобразующих мотивов становится мотив вещего сна: в сводном тексте вещие сны видят супруга Токтамыш-хана и Идукай. Оду родному краю произносит сын Идукай Мурадым. Не углубляясь в дальнейший анализ идейно-художественного своеобразия сводного текста, хотелось бы обратить внимание на скрупулезный культурологический комментарий, адресованный переводчикам, чтобы они во время работы максимально точно донесли реалии и средства выразительности, встречающиеся в эпическом произведении. К слову, сравнительный анализ данного сводного текста с вариантом, опубликованным позднее в газете «Коммуна» и в книге Н.Т. Зарипова в 1994 г., показал, что при издании комментария и примечания Наки Исанбета были подвергнуты существенному сокращению, некоторые и вовсе проигнорированы, что затрудняет понимание содержания сводного текста. Итоги сравнительного анализа в будущем мы представим в одной из наших работ.

В частности, Наки Исанбет на примере имен героев разбирает, как работает в эпосе прием «говорящего имени», и заостряет внимание на том, как формировались национальные особенности эпоса об Идегее в среде башкир. Так, разбирая семантику имени Морадым, ученый текстолог обращает внимание читателей на то, как по-разному пишется и произносится оно в среде тюркских народов: барадинские татары называют его Мурадил, сибирские – Морадым, казахи – Нурадым, ногайцы – Нур Гадил, каракалпаки – Нурадин. Исторически верное, по мнению Наки Исанбета, написание имени, как Нуретдин. При башкиризации имени эпического героя на первый план выходит

целеустремленность героя: *морадым* – «моя цель»²⁵. Эта ведущая черта героя в дальнейшем в сводном тексте получит развитие и оформление не только в его поступках, но и в одном из монологов, обращенных к отцу Идукаю, в котором он дает слово вернуться на земли прадеда и восстановить его владения: «Бабам гөмер иткән йорт».

Морадым:

– Мин – ун яшькә килгәндә,
Очар коштай талпынган;
Унбер яшькә килгәндә,
Яуга каршы калкынган;
Унике яшькә килгәндә,
Артымдан тузан уйнаган,
Алдымда дошман елаган;
Унөч яшькә килгәндә,
Күп улия алып үзенә мал иткән;
Ундүрт яшькә килгәндә,
Күп батырны кол иткән;
Унбиш яшькә килгәндә,
Атасы, аның сөйгәнән алып, хур иткән.
Төкләс улы түрәнәң,
Идүкәй улы морзаның,
Бер кат багы сынгатчың,
Кире кайтыр уе юк²⁶.

Мурадым:

Когда мне исполнилось 10 лет,
Я готов был птицей взмыть;
Когда достиг 11 лет,
Я был готов выступить против напавших;
Когда мне исполнилось 12 лет,
За мной вслед оседала пыль,
А враги передо мной исходили плачем;
Когда мне исполнилось 13 лет,
Я умножил свое состояние, добыв
богатую добычу,
В 14 лет
Я многих батыров взял в полон;
В 15 лет
Меня опозорил отец, отобрав любимую.
У потомка Баба Тукласа,
Сына мурзы Идукая,
На чью долю выпало испытать такое
несчастье,
Нет мысли вернуться назад.
(подстр. пер.)

Идукай пытается достучаться до сознания сына, убедить его, что только в единстве с соплеменниками сила:

Тауда була таркыл таш,
Тарлыкка калсаң, чыга күздән яшь;
Күкрәгеңә ук керсә,
Тартып алып кәрәндәш;
Кәрәндәшең булмаса,
Шунда калыр ялгыз баш²⁷.

Гора бывает не монолитной, камень
пористый,
Коли застрянешь в пустоте, из глаз
полюются слезы;
Если в грудь вонзится стрела,
Ее вырвет соплеменник;
Если не будет у тебя рядом соплеменника,
Здесь сгинет твоя одинокая глава.
(подстр. пер.)

Наки Исанбет при выражении мыслей и переживаний героев максимально бережно сохраняет художественные приемы, характерные для народной поэтической традиции. Важное место в авторских комментариях отводится расшифровке терминологии, связанной с воинской службой: например, «Ат-

²⁵ Idukaj belän Moradam (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 5.

²⁶ Idukaj belän Moradam (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 22.

²⁷ Idukaj belän Moradam (1933) / Naki Isənbət жыелмасы // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 23.

кы – стрела с прямыми ушками», «Күвә – железный панцирь» и др. Текстолог раскрывает перед переводчиками метафорический потенциал терминов в эпосе. Так, комментируя строку из сводного текста «Аткыдан йөгрек ук булмас, / Атсаң, күвә бозылмас»²⁸, Наки Исанбет пишет, что смысл ее сводится к тому, что эта стрела не принесет урона даже панцирю воина, если выстрелишь. Подробно расшифровывается терминология, связанная с коневодством, тесно связанная с образом жизни башкир. Наки Исанбет много место уделяет в комментариях объяснению топонимов, при этом дает арабскую транскрипцию терминов. Изучение этих особенностей сводного текста и примечаний к нему станет в дальнейшем предметом самостоятельного исследования.

Заключение. Наки Исанбет является первым составителем сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым» (1930, 1033). Ученый-текстолог за основу сводного текста взял 3 варианта, записанные им лично и коллегами С. Мрясовым и Д. Юлтыем во время БКЭ АН СССР. На основании изучения документов, переписки ученого 1930-х гг. можно прийти к заключению, что данная текстологическая работа получила положительные рецензии как в Академцентре Наркомпроса Башкирской АССР в г. Уфа, так и на секции фольклора СП СССР и была рекомендована к печати в Башкирском книжном издательстве и московском издательстве «Academia» соответственно. Рукописи с вариантами сводного текста состояли из вводного слова составителя, собственно текста с авторскими примечаниями и анализом эпического памятника. К сожалению, данный сводный текст не был опубликован из-за отсутствия должного финансирования БКЭ АН СССР, преследований автора рапповцами и эсерами (конфликт с Г. Касымовым), «мышьиной возни» и ревности башкирских коллег Наки Исанбета (конфликт с Габдуллой Амантаевым), вставляющих ему палки в колеса на региональном и столичном этапах продвижения текстологической работы. Рецензенты сводного текста Наки Исанбета – мэтры отечественной фольклористики Ю.М. Соколов и В.А. Гордлевский планировали издать его в 1934 г. одновременно с книгой «Автобиография Тимура. Богатырские сказки о Чингиз-хане и Аксак-Темире». Очевидно, фольклористы разглядели внутреннее сходство в содержании источников, легших в основы этих двух книг: феодальное общество показано в них в состоянии процесса объединения и экспансии. В обеих изданиях нарисованы яркие образы покорителей и владык мира. И в книге о Чингиз-хане и Аксак-Темире, и в неизданном сборнике со сводным текстом Наки Исанбета заглавные эпические герои даются в обрамлении магических орнаментов. На первом месте у создателей эпических текстов оказываются жизненные мотивы феодального, военно-магического уклада. В эпический текст включаются лишь события, раскрывающие возвышение героя к основной цели жизни, приводятся описания ударов судьбы исключительно в поучительных целях. Отрицательные качества эпических сверхгероев тщательно проговариваются. При составлении сводного текста Наки Исанбету удалось нащупать несколько главных форм в сюжете: 1. Магически-мифологический сюжет и мотив, 2. Авантюрные, 3. Аретологические – нанизывание эпизодов, восхваляющих

²⁸ Idukaj belän Moradam (1933) / Naki Isänbät žyelmasy // Личный архив Наки Исанбета. Листы нестандартного объема. Л 22.

эпического героя. 4. Агиографические (феномен аулия Баба-Туклеса, Идукая, поломничество Мурадима в Мекку). 5. Моральные заповеди. 6. Произведения устного народного творчества: легендарные, сказочные мотивы, пословицы. Наки Исанбет при составлении сводного текста стремится добиться его цельности, силой поэтического дарования – сохранить народную образность. Изобразительность изложения достигается прежде всего частым многообразным применением диалогов. Она обусловлена блестящим спектром художественных образов, которые почерпнуты из мира природы родного края, неописанной красоты мужской и женской и много другого. На первом месте в сводном тексте Наки Исанбет образы героев, окруженные многоцветными предикатами: таинственным рождением, неописанной красотой, мудростью, удалством и хитростью, необыкновенной удачливостью, великодушием, непосредственностью, пылким умом – олицетворение человеческого идеала тюрков, жителей вольных степей. Героев и их действия окружают магические числа (9, 18). Важную роль в тексте играют гиперболы, сравнения, призванные заострить внимание слушателей и читателей на беспредельных возможностях героев, которые подчеркивают динамичность их образов.

Выводы. Драматическая судьба сводного текста башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым», подготовленного татарским ученым для издания в издательстве «Academia» в 1933 г. – одна из поучительных страниц истории в культуре двух братских народов. Наки Исанбет, несмотря на возникшие трудности, снискал славу составителя двух сводных текстов «Идукай и Мурадым» и «Идегей». Творческую лабораторию ученого мы можем изучить по обширным материалам, сохранившимся, как в личном архиве, так и в государственных архивах Татарстана и Башкортостана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автобиография Тимура: Богатырские сказания о Чингисхане и Аксак-Темире. М.: Academia, 1934. 318 с.
2. Алдашова Е.Н. Роль Башкирской комплексной экспедиции АН СССР (1928-1932) в организации первых научно-исследовательских учреждений в Башкирской АССР // Вестник Самарского государственного университета. 2011. №85. С. 92–96.
3. Аминев З.Г. Урал как родина башкир в эпосе «Идукай и Мурадым» // Башкирский фольклор. Исследования и материалы / сост., автор вступ. ст. и отв. ред. Р.А. Султангареева. Вып. XI. Уфа: Гилем, 2011. С. 58–69.
4. Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 3. Уфа: Башк. энцикл., 2007. 672 с.
5. Галин С.А. Эпические традиции в башкирском фольклоре: автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.09. М., 1994. 66 с.
6. Давлеткулов А.Х. Национально-освободительная борьба и ее роль в формировании этнического сознания (на примере эпоса «Идукай и Мурадым») // Национализм и национально-государственное устройство России: история и современная практика / Под общ. ред. А.Б. Юнусовой. Уфа: МЭИ УНЦ РАН, 2011. С. 48–51.
7. Давлеткулов А.Х. Социальные мотивы в эпосе «Идукай и Мурадым» // Ногайлинские эпосы и феномен Мурын-жырау: Материалы международной научно-практической конференции (Казахстан, Актау, 08.12.2014). Актау: КГУТИ, 2014. С. 222–226.
8. Давлеткулов А.Х. Структурные особенности эпического памятника «Идукай и Мурадым» // Мир науки, культуры и образования. 2010. №5 (2024). С. 12–14.

9. Ергин Ю.В. Газым Касымов – Нарком Просвещения Башкирской АССР в 1924–1926 годах // Педагогический журнал Башкортостана. 2009. №6. С. 136–143.
10. Замалетдинов Р.Р., Хабутдинова М.М. Творческая история комедии Наки Исанбета «Рыжий чичян и Черноволосая красавица» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №4. С. 934–956. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.934-956> EDN: SUEEVY
11. Зарипова Р.М. Образ главного героя в башкирском историческом эпосе «Идукай и Мурадым» // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. №4. С. 1071–1075.
12. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / Вступ. ст. Н.И. Толстого. М.: «Индрик», 1995. 432 с.
13. Зеленин Д.К. Секция «Живой старины» Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете за 1925/1926 год // Этнография. 1927. №1. С. 217–218.
14. Иванова Т.Г. Русская фольклористика в стенах Российской академии истории материальной культуры // Из истории русской фольклористики. Л.: Наука, 2007. С. 10–31.
15. Идегэй: татар халык дастаны / Н. Исәнбәт жыйнаması // Совет әдәбияты. 1940. №11. 39–76 б.; №12. 34–82 б.
16. Идукай и Мурадым / Сост., авт. вступ. сл. и коммен. Н.Т. Зарипова. Уфа: Китап, 1994. 352 с.
17. Крылов В.В., Кичатова Е.В. Издательство «Academia»: люди и книги. 1921–1938–1991 / Под общ. ред. В.А. Попова. М.: Academia, 2004. 328 с.
18. Мухаметзянова Л.Х. Дастан «Идегей»: книжная версия татар Поволжья // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №16 (345). С. 94–97.
19. Нәкый Исәнбәт: фәнни-популяр жьентык / Төз.: М.М. Хәбетдинова. Казан: Жьен, 2021. 736 б.
20. Салихов А.Г., Хуббутдинова Н.А. К истории изучения башкирского народного эпоса «Идукай и Мурадым» // Проблемы востоковедения. 2022. №2 (96). 60–66.
21. Султангареева Р.А. Башкирский эпос «Идукай и Мурадым» как ретрансляция мифологизированного образа священной страны Иль // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. №2 (30). С. 2–6.
22. Хабутдинов А., Хабутдинова М. Образ Наки Исанбета в татарской прозе // Филология и культура. Philologie and Culture. 2019. №4(58) С. 191–201.
23. Хабутдинова М.М. Вклад Наки Исанбета в изучение Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. №1. С. 181–201. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201> EDN: NZKGGK
24. Хабутдинова М.М. Идеино-художественное своеобразие драматической поэмы Р.Хариса «Идегей» // Филология и культура. Philologie and Culture. 2021. №2(64). С. 207–213.
25. Хабутдинова М.М. Колебания литературной репутации Н. Исанбета // Russian Bulletin. 2022. № 1(29). С. 173–179.
26. Хәбетдинова М.М. «Чорлар рухания» // Казан утлары. 2020. №1. С. 150–162.
27. Idukaĵ häm Moradum // Коммуна. 1940. №78 (1477). 28 апреля; № 79 (1478).
28. Khabutdinova M. Naki Isanbet and Tatar folklore // Tatarica. 2024. №23(2). P. 148–161.
29. Khabutdinova M., Khabibullin F. Nakie Isanbet on Chichan Art // Tatarica. 2021. №17(2). P. 119–140. <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2021-17-2-119-140>

REFERENCES

1. Timur's autobiography: Heroic tales of Genghis Khan and Aksak-Temir. Moscow: Academia, 1934. 318 p. (In Russian)
2. Aldashova E.N. Bashkir Integrated Expedition of the USSR Academy of Sciences (1928–1932) and Its Role in the Establishment of the Initial Bashkir Research Institutes. *Vestnik of Samara State University*. 2011, no. 85, pp. 92–96. Available at: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/3638/3540> (In Russian)
3. Aminev Z.G. The Urals as the homeland of Bashkirs in the epos “Idukai and Muradim”. *Bashkir folklore. Research and materials*. Iss. 9, Ufa: Gilem, 2011, pp. 58–69. (In Russian)
4. Bashkir encyclopedia. In 7 volumes. Vol. 3. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya, 2007. 672 p. (In Russian)
5. Galin S.A. Epic traditions in Bashkir folklore. Abstract of dissertation for the degree of Dr. Sci. (Philology): 10.01.09. Moscow, 1994. 66 p. (In Russian)
6. Davletkulov A.X. The national liberation struggle and its role in the formation of ethnic consciousness (on the example of the epos “Idukai and Muradim”). Nationalism and the National State Structure of Russia: history and Modern Practice Ufa: National Research University, 2011, pp. 48–51. (In Russian)
7. Davletkulov A. Social motives in the epic “Idukai and Muradim”. Nogailin epics and the phenomenon of Muryn-zhyrau: Materials of the international scientific and practical conference (Kazakhstan, Aktau, 08.12.2014). Aktau: Yessenov University, 2014, pp. 222–226. (In Russian)
8. Davletkulov A. Structural features of the epic monument “Idukai i Muradim”. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*. 2010, no. 5, pp. 12–14. (In Russian)
9. Ergin Yu.V. Gazym Kasymov – People's Commissar of Education of the Bashkir ASSR in 1924–1926. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana*. 2009, no. 6, pp. 136–143. (In Russian)
10. Zamaletdinov R.R., Khabutdinova M.M. The creative history of Naki Isanbet's comedy “Red-haired chichyan and Black-haired beauty”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 934–956. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.934-956> (In Russian)
11. Zariyeva R.M. The image of the main character in the Bashkir historical epic “Idukai Muradim”. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2017, Vol. 22, no. 4, pp. 1071–1075. (In Russian)
12. Zelenin D.K. Selected works. Essays on Russian mythology: Those who died an unnatural death and mermaids. Moscow: Indrik, 1995. 432 p. (In Russian)
13. Zelenin D.K. Section of “Living Antiquity” of the Scientific Research Institute of Comparative History of Literatures and Languages of the West and East at the Leningrad State University for 1925/1926. *Etnografiya*. 1927, no. 1, pp. 217–218. (In Russian)
14. Ivanova T.G. Russian Folklore studies within the walls of the Russian Academy of the History of Material Culture. From the History of Russian Folklore. Leningrad: Nauka, 2007, pp. 10–31. (In Russian)
15. Edigu: Tatar folk saga. N. Isanbet's collection of essays. *Soviet literature*. 1940, no. 11, pp. 39–76; no. 12, pp. 34–82. (In Tatar)
16. Iduakai and Muradim. Ufa: Kitap, 1994. 352 p. (In Bashkir)
17. Kry'lov V.V., Kichatova E.V. “Academia” Publishing House: people and books. 1921–1938–1991. Moscow: Academia, 2004. 328 p. (In Russian)
18. Mukhametjanova L.Kh. Dastan “Edigu”: book version of the Tatars of the Volga region. *Bulletin of the Chelyabinsk state university. Philology and Art History*. 2014, Iss. 91, no. 16 (345), pp. 94–98. (In Russian)
19. Nakij Isanbet. Kazan: Dzyen, 2021. 736 p. (In Tatar)

20. Salikhov A.G., Khabutdinova N.A. On the history of the study of the Bashkir folk epic “Idukai and Muradim”. *Problems of Oriental studies*. 2022, no. 2 (96), pp. 60–66. (In Russian)

21. Sultangareeva R.A. Bashkir epos “Idukai and Muradim” as a retransmission of the mythologized image of the sacred land of Il. *Scientific Review of the Sayano-Altai*. 2021, no. 2 (30), pp. 2–6. (In Russian)

22. Khabutdinov A., Khabutdinova M. The image of Naki Isanbet in Tatar prose. *Philologie and Culture*. 2021, no. 2 (64), pp. 207–213. (In Russian)

23. Khabutdinova M.M. The Contribution of Naki Isanbet to the Study of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, Vol. 11, no. 1, pp. 181–201. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201> (In Russian)

24. Khabutdinova M. Ideological and artistic originality of r. kharis’s dramatic poem “Edigu”. *Philology and Culture*. 2021, no. 2 (64), pp. 207–213. (In Russian)

25. Khabutdinova M. Fluctuations in the Literary Reputation of Naki Isanbet. *Russian Bulletin*. 2021, no. 1 (29), pp.173–179. (In Russian)

26. Khabutdinova M. “Chorlar rukhanie”. *Kazan utlary*. 2020, no. 1, pp. 150–162. (In Tatar)

27. Idukaj and Moradum. *Kommuna*. No. 7–8 (1477); no. 79 (1478), 1940. (In Tatar)

28. Khabutdinova M. Naki Isanbet and Tatar folklore. *Tatarica*. 2024, no. 23 (2) pp. 148–161.

29. Khabutdinova M., Khabibullin F. Naki Isanbet on Chichan Art. *Tatarica*. 2021, no. 17 (2), pp. 119–140. <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2021-17-2-119-140>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Милеуша Мухаметзяновна Хабутдинова – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы, старший научный сотрудник НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет (420056, ул. Татарстан, 2, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8110-4001; ElibraryID: 463560; ResearcherID: M-4418-2013; Scopus Author ID: 55929972700. E-mail: mileuscha@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mileusha M. Khabutdinova – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Tatar Literature, Senior Researcher at the Scientific and Educational Center for Strategic Research in the Field of Native Languages and Cultures, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (2, Tatarstan Str., Kazan 420056, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8110-4001; ElibraryID: 463560; ResearcherID: M-4418-2013; Scopus Author ID: 55929972700. E-mail: mileuscha@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 27.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 31.10.2024

Принята к публикации / Accepted 02.12.2024